

Глава 2

ЖЕНЕВЬЕВА

Шум проник в темноту. Кто-то барабанил в дверь. Настойчивые, повторяющиеся удары. Мясо и кости против дерева.

Во сне Женевьева вернулась в дни своего детства, во Францию Короля-Паука, La Pucelle* и монстра Жиля. «Теплой» она была дочерью лекаря, а не потомством Шанданьяка. До превращения, до Темного Поцелуя...

Дьёдонне** провела языком по зубам, от сна подернутым пленкой. Во рту чувствовалось послевкусие собственной крови, тошнотворное и слегка возбуждающее.

В вечерних грезах деревянная колотушка била по обломанной посередине дубине с железным наконечником. Английский капитан прикончил ее отца-во-тьме; пришил Шанданьяка, как бабочку, к окровавленной земле. Практически незаметная стычка Столетней войны. Тех варварских времен, которые, надеялась Женевьева, заслуженно отошли в мир иной.

Стук не умолкал. Она открыла глаза, взгляд упал на грязное стекло слухового окна. Солнце еще не зашло. Сны утекли

* La Pucelle d'Orleans (*фр.*) — Орлеанская дева, прозвище Жанны д'Арк.

** Фамилия Женевьевы переводится с французского как «Богом данная».

мгновенно, и Женевьева проснулась столь резко, словно ей в лицо плеснули галлон ледяной воды.

Наступила тишина.

— Мадемуазель Дьёдонне, — закричал кто-то. Обычно причиной столь бесцеремонных срочных вызовов оказывался директор, но не в этот раз. Впрочем, голос она узнала. — Откройте. Скотленд-Ярд.

Женевьева села, простыни упали. Она спала на полу в нижнем белье, прямо на покрывале, постеленном на грубых досках.

— Еще одно убийство Серебряного Ножа.

Она отдыхала в своем маленьком кабинете, расположенном в Тойнби-холле. То было вполне безопасное место, не хуже прочих, чтобы провести пару дней каждого месяца, когда слабость одолевала ее и приходилось делить с мертвыми их сон. Комната, расположенная на верхнем этаже, с крохотным слуховым оконцем и дверью, запирающейся изнутри, вполне годилась для своих целей, так же как гробы и склепы служили потомству принца-консорта.

Женевьева успокаивающе заворчала и закашлялась, стук прекратился. Тело, которым не пользовались несколько дней, потрескивало, потягиваясь. Солнце скрылось за тучей, и боль тут же ослабла. Дьёдонне встала во тьме и провела руками по волосам. Облако ушло, и ее силы тут же иссякли.

— Мадемуазель?

Удары возобновились. Молодые всегда нетерпеливы. Когда-то и она была такой же.

Женевьева сняла с крюка платье из китайского шелка и завернулась в него. Одеяние, согласно этикету, явно не приличествующее для встречи со столь нетерпеливым джентльменом, но сойдет. Правила поведения, так много значившие еще несколько лет назад, все больше теряли важность. «Новорожденные» спали в забитых землей гробах прямо в Мэйфере и охотились стаями на Пэлл-Мэлл. В этом

сезоне подобающая форма обращения к архиепископу мало кого заботила.

Дьёдонне отодвинула засов, но следы сонного тумана еще не развеялись. Снаружи умирал вечер; она не будет чувствовать себя нормально, пока ночь не вступит в свои права. Женестьева открыла дверь. Коренастый «новорожденный» стоял в коридоре, одетый в длинное пальто, похожее на плащ, нервно перекидывал котелок из руки в руку.

— Лестрейд, в самом деле, неужели вас нужно приглашать в каждое новое жилище? — поинтересовалась Женестьева. — Для представителя вашей профессии это было бы крайне неудобно. Ну, входите, входите...

Она впустила внутрь человека из Скотленд-Ярда. Заостренные зубы выступали у него изо рта, их не могли скрыть даже полуотросшие усы. «Теплым» он походил лицом на крысу; редкая растительность под носом только усиливала сходство. Уши его изменились, став длинными и заостренными. Как и большинство «новорожденных» из кровной линии принца-консорта, Лестрейд еще не обрел окончательной формы. Он носил темные очки, но алые точки, светившиеся под линзами, говорили о внимательном, зорком взгляде.

Инспектор положил шляпу на стол и затараторил:

— Прошлой ночью на Чиксэнд-стрит. Это была настоящая бойня.

— Прошлой ночью?

— Прошу прощения. — Он задержал дыхание, отдавая должное ее сонному состоянию. — Сегодня семнадцатое. Сентября.

— Я спала три дня.

Женестьева открыла шкаф и осмотрела несколько нарядов, висевших внутри. Костюмов на все случаи жизни тут явно не хватало. Хотя, по здравому разумению, вряд ли в ближайшем будущем ее пригласят на королевский прием. Из драгоценностей осталось лишь маленькое распятие, принадлежавшее отцу,

которое она носила редко, опасаясь расстроить каких-нибудь чувствительных «новорожденных» с глупыми идеями.

— Я счел наилучшим поднять вас. Все нервничают. Настроения самые тревожные.

— Вы были совершенно правы, — ответила она и потерла глаза, избавляясь от пленки сна. Даже последние лучи солнечного света, просачивавшиеся сквозь грязный квадрат стекла, казались сосульками, вонзавшимися прямо в лоб.

— Когда солнце зайдет, — продолжил Лестрейд, — наступит столпотворение. Может разразиться еще одно Кровавое воскресенье. Некоторые говорят, что вернулся сам Ван Хелсинг.

— Принцу-консарту это понравилось бы.

Инспектор покачал головой:

— Это всего лишь слухи. Ван Хелсинг мертв. Его голова покоится на пике.

— А вы проверяли?

— Дворец находится под постоянной охраной. Принц-консарт повсюду расставил своих карпатцев. Нашему роду всегда нужно быть настороже. У нас столько врагов.

— Нашему роду?

— Не-мертвым.

Женевьева чуть не рассмеялась.

— Я не из вашего рода, инспектор. Вы — потомок кровной линии Влада Цепеша, а я — Шанданьяка. Мы в лучшем случае кузены.

Детектив пожал плечами и фыркнул. Родство мало что значило для лондонских вампиров, Женевьева это понимала. Даже в третьем, десятом или двенадцатом отдалении всем им отцом-во-тме приходился Влад Цепеш.

— Кто? — спросила она.

— «Новорожденная» по фамилии Шон. Лулу. Обыкновенная проститутка, как и все остальные.

— Она какая по счету?.. Четвертая?

— Никто не знает. Желтая пресса уже вытащила из могилы каждое нераскрытое убийство в Ист-Энде за последние тридцать лет и положила к ногам Уайтчепельского Убийцы.

— А в скольких уверена полиция?

Лестрейд опять фыркнул.

— Мы не уверены даже в том, что Серебряный Нож причастен к убийству Шон. По крайней мере, пока не будет проведено дознание, хотя я бы поставил на это свою пенсию. Я приехал к вам прямо из морга. Почерк тот же самый. А так — Энни Чэпмен и Полли Николс на прошлой неделе. Существуют различные мнения по поводу двух других женщин, Эммы Смит и Марты Тэбрэм.

— А что думаете вы?

Лестрейд прикусил губу.

— На счету Серебряного Ножа только три жертвы. Во всяком случае, из тех, о которых мы знаем. Смит подстерегли, ограбили и посадили на кол головорезы из Старого Джейго. Предварительно изнасиловав. Обыкновенное разбойное нападение, совершенно не похожее на работу нашего парня. А Тэбрэм была «теплой». Серебряного Ножа интересуем только мы. Вампиры.

Женевьева поняла.

— Это человек ненавидит нас, — продолжил Лестрейд, — и ненавидит страстно. Убийства, возможно, были совершенны в неистовстве, но в них есть холодность. Он убивает прямо на улицах, в полной темноте. Не просто режет тела жертв, а расчленяет, анатомирует. А вампиров не так-то легко убить. Наш человек не простой безумец. У него есть причина.

Инспектор явно принимал эти преступления близко к сердцу. Уайтчепельский Убийца оставлял глубокие раны. От недопонимания «новорожденных» бросало то в одну, то в другую крайность, они корчились от распятий из-за народных сказок, которые едва знали.

— Слухи распространяются?

— И быстро. История попала в вечерние газеты. А сейчас о ней знает весь Лондон. Среди «теплых» многие нас не любят, мадемуазель. Они празднуют. Радуются. Когда выйдут «новорожденные», может случиться паника. Я предлагал ввести войска, но Уоррен осторожничает. После того дела в минувшем году...

Она помнила. Напуганный общественными беспорядками, последовавшими за королевской свадьбой, сэр Чарльз Уоррен, начальник городской полиции, издал эдикт, запрещающий проведение политических демонстраций на Трафальгарской площади. В ответ «теплые» мятежники, протестующие против короны и нового правительства, собрались там одним ноябрьским вечером. Уильям Моррис и Г. М. Гайндман из Социалистической демократической федерации при поддержке Роберта Каннингема-Грэма, члена парламента от радикалов, и Энни Безант из Национального светского общества призывали к свержению монархии. Последовали яростная, да что греха таить, откровенно жестокая борьба. Женестьева наблюдала за ней со ступеней Национальной галереи. Она оказалась не единственным вампиром, кто хотел примкнуть к предполагаемой республике. Не только «теплые» считали Влада Цепеша чудовищем. Элеанор Маркс, сама «новорожденная» и автор, совместно с доктором Эдвардом Эвелингом, «Вампирского вопроса», произнесла страстную речь, призывающую к отречению от престола королевы Виктории и изгнанию принца-консорта.

— ...не могу сказать, что виню его. Тем не менее у округа Н нет средств и возможностей для подавления восстания. Скотленд-Ярд послал меня пришпорить местных парней, но у нас и так куча дел по поимке убийцы, не хватало еще толпы с серпами и кольями.

Женестьева стало интересно, в какую сторону сейчас прыгнет сэр Чарльз. В ноябре комиссар, который раньше был

скорее солдатом, чем полицейским, а теперь превыше всего ставил интересы вампиров, отправил армию. Еще до того, как пришедший в замешательство судья до конца прочитал текст Закона о бунтах, офицер гвардейских драгун приказал людям, как «теплым», так и вампирам, очистить площадь. После этой атаки собственная Карпатская гвардия принца-консорта окружила толпу, нанеся больше ущерба зубами и когтями, чем драгуны — примкнутыми штыками. Несколько человек погибло, многие получили увечья, затем последовала череда судебных процессов и немало «исчезновений». 13 ноября 1887 года стали называть Кровавым воскресеньем. Женестьева провела неделю в госпитале Гая, помогая людям, получившим не самые серьезные ранения. Многие плевали ей вслед и отказывались принимать помощь от представителей ее вида. Если бы не вмешательство самой королевы, которая успокоила подданных, по-прежнему обожавших ее, империя могла взорваться, подобно бочке с порохом.

— И что, скажите на милость, я могу сделать, — спросила Женестьева, — дабы послужить целям принца-консорта?

Лестрейд пожевал ус, блистая зубами, на губах его застыли хлопья пены.

— Нам может понадобиться ваша помощь, мадемуазель. Тойнби-холл будет перегружен. Одни не захотят оставаться на улице, пока там разгуливает убийца. Другие станут сеять панику и призывать к мятежу, разжигая толпы, которые и так на грани того, чтобы взять суд в свои руки.

— Я — не Флоренс Найтингейл.

— Но у вас есть влияние...

— Неужели?

— Я бы хотел... Я смиренно прошу вас... чтобы вы использовали свое влияние, дабы несколько сгладить ситуацию. Прежде чем случится несчастье. Прежде чем появятся совершенно ненужные жертвы.

Женевьева была не прочь насладиться вкусом власти. Она сняла платье, повергнув гостя в шок. Смерть и перерождение не лишили его предубеждений времени. Лестрейд съезжился за дымчатыми очками, пока она быстро переодевалась, отточенными движениями пальцев с острыми ногтями застегивая сотни маленьких крючков и пуговиц на юбке бутылочно-зеленого цвета и жакете. Как будто костюм «теплых» дней, замысловатый и неуклюжий, похожий на полный набор доспехов, вернулся и теперь преследует ее. Поначалу, только став вампиршей, она с большим облегчением носила простые блузы и клетчатые штаны, ставшие приемлемыми, если не модными, после Орлеанской девы, и клялась, что никогда больше не закует себя в удушающий официальный наряд.

Инспектор был слишком бледен, чтобы заметно покраснеть, но пятнышки размером с пенни появились на его щеках, и он непроизвольно с шумом задышал. Лестрейд, как и множество других «новорожденных», обращался с ней, словно ей было столько лет, сколько они могли дать на вид. Когда Шанданьяк одарил Женевьеву Темным Поцелуем, ей исполнилось шестнадцать. Она была старше Влада Цепеша примерно на десять лет или даже больше. Когда еще «теплый» христианский князь прибывал к головам турецких солдат их собственные тюрбаны и насаживал соплеменников на заостренные колья, она уже стала «новорожденной» и обучалась навыкам, благодаря которым оказалась в итоге самым долгоживущим представителем своей кровной линии. Если за плечами четыре с половиной столетия, трудно не сердиться, когда недавно поднявшийся, едва остывший мертвец относится к тебе со снисходительностью и покровительством.

— Серебряного Ножа надо найти и остановить, — сказал Лестрейд, — прежде чем он убьет снова.

— Несомненно, — согласилась Женевьева. — Дело явно подошло бы для твоего старого помощника, того детектива-консультанта.

Усилившимся восприятием, явно подсказывавшим, что наступает ночь, она почувствовала, как застыло сердце ин-спектора.

— Мистер Холмс не занимается расследованиями, мадемуазель. У него разногласия с нынешним правительством.

— Вы хотите сказать, что его вывезли, как и множество других наших лучших умов, в эти загоны, находящиеся в Сассекских холмах? Как там их называют в «Пэлл-Мэлл гзетт»? В концентрационные лагеря?

— Я сожалею о недостаточной широте его взглядов...

— Где он? В Чертовом Рве?

Лестрейд кивнул так, словно его обуял стыд. В нем еще немало осталось от человека. «Новорожденные» цеплялись за свои «теплые» жизни, как будто ничего не произошло. Сколько времени пройдет, прежде чем они превратятся в зверей, вампиров, которых принц-консорт привез из земель за лесами, в ходячее воплощение жажды, бессмысленных охотников?

Женевьева застегнула манжеты и повернулась к полицейскому, чуть вытянув руки ладонями вверх. Из-за долгой жизни без зеркал она приобрела привычку так спрашивать о том, как выглядит. Детектив ворчливо одобрил. Накинув плащ с капюшоном, Дъёдонне вышла из комнаты, Лестрейд последовал за ней.

В коридоре снаружи уже зажглись газовые фонари. За рядами стекол в низко висящем тумане умирали последние лучи вечернего солнца. Одно окно открыли, выпуская прохладный воздух. Женевьева чувствовала в нем жизнь. Скоро ей придется кормиться, через два или три дня. После отдыха иначе нельзя.

— Дознание по делу Шон начинается сегодня ночью, — сказал Лестрейд, — в Институте рабочих юношей. Крайне желательно, чтобы вы присутствовали.

— Очень хорошо, но сначала мне надо поговорить с директором. Кто-то должен взять на себя мои обязанности, пока я отсутствую.

Они подошли к лестнице. Здание оживало. Независимо от того, насколько принц-консорт изменил облик Лондона, нужда в Тойнби-холле — основанном преподобным Сэмюэлем Барнеттом в память о покойном филантропе Арнольде Тойнби — все еще не пропала. Нищим требовался кров, еда, медицинский уход, образование. «Новорожденные» — потенциально бессмертные бедняки — чувствовали себя едва ли лучше, чем их «теплые» братья и сестры. Для многих угол в Ист-Энде становился последним прибежищем. Женестьева чувствовала себя Сизифом, вечно закатывающим камень наверх, теряя ярд с каждым преодоленным футом.

На площадке первого этажа сидела темноволосая маленькая девочка с тряпичной куклой на коленях. Одна рука у нищенки высохла, с нее складками свисали кожистые мембраны, тускло-коричневая одежда была подрезана, дабы не стеснять свободу движения. Лили улыбнулась, показав острые, но неровные зубы.

— Жени, — произнесла девочка, — смотри...

Улыбаясь, она протянула вперед тонкую, болезненно худую руку. Та удлинилась, стала более жилистой. Натянулась шерстистая серовато-коричневая перепонка.

— Я работаю над крыльями. Полечу к луне и обратно.

Женестьева отвернулась и увидела, как Лестрейд осматривает потолок. Она снова обратилась к Лили и опустила перед ней на колени, глядя ее руку. Толстая кожа казалась неправильной на ощупь, словно мускулы под ней терлись друг о друга. Ни локоть, ни запястье не сочленялись как положено. Влад Цепеш изменял форму без каких-либо усилий, но «новорожденные» его кровной линии выполнить такой трюк уже не могли. Правда, это их не останавливало, и они часто пытались.

— Я принесу тебе сыра, — сказала Лили. — В подарок.

Женестьева погладила волосы девочки и встала. Дверь в кабинет директора оказалась открытой. Вампирша вошла,

постучав по дереву, прежде чем миновать порог. Начальник расположился за столом, изучая лекционное расписание вместе со своим секретарем Моррисоном. Директор был моложавым и все еще «теплым», но лицо его уже испещряли морщины, а в волосах виднелась седина. Многие, кто прошел через последние изменения в стране, ходили на него, выглядя старше своих лет. Лестрейд последовал за Дъёдонне в кабинет. Директор поздоровался с ним. Моррисон, тихий молодой человек со склонностью к литературе и японским гравюрам, отошел в тень.

— Джек, — сказала Женестьева. — Инспектор Лестрейд желает, чтобы завтра я посетила дознание.

— Произошло еще одно убийство, — директор не спрашивал, а констатировал факт.

— «Новорожденная», — пояснил детектив, — на Чиксэнд-стрит.

— Лулу Шон, — добавила Женестьева.

— Мы знали ее?

— Возможно, только под другим именем.

— Артур может проверить картотеку, — сказал директор, глядя на инспектора, но подав знак Моррисону. — Вам понадобятся детали.

— Она тоже была уличной девушкой? — осведомился секретарь.

— Да, разумеется, — ответила Дъёдонне. Молодой человек уставился в пол.

— Думаю, она была у нас. Это одна из тех, что выгнал Бут.

Лицо Моррисона исказилось от одного упоминания имени генерала. Армия спасения объявила живых мертвецов отверженными, лишенными Царства Божия, хуже любого пьяницы. «Теплый» Моррисон не разделял их предубеждений.

Директор побарабанил пальцами по столу. Он выглядел как обычно, словно вес всего мира неожиданно лег на его плечи.

— Ты можешь меня отпустить?

— Друитт возьмет на себя твои обходы, когда вернется с крикета. И Артур поможет, как только уладим вопрос с расписанием лекций. Да мы, кстати, в любом случае не ожидали тебя еще ночь или две.

— Благодарю.

— Не за что. Держи меня в курсе событий. Это такое ужасное дело.

Женевьева согласилась.

— Я сделаю все, что смогу, чтобы успокоить местных. Лестрейд опасается мятежей.

Полицейский явно чувствовал себя неуютно и не находил себе места от смущения. На секунду Женевьева показалась себе мелочной, дразня «новорожденного» подобным образом. Она была несправедлива к нему.

— Я действительно могу чем-нибудь помочь. Поговорить с «новорожденными» девушками. Убедить их обратиться за помощью, посмотреть, не знает ли кто чего-нибудь.

— Прекрасно, Женевьева. Удачи. А вам доброго вечера, Лестрейд.

— Доктор Сьюард, — сказал детектив, приподнимая шляпу, — доброй вам ночи.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

